

Х.М. Лопарев

**Древнерусские сказания о
птицах**

**Памятники древней
письменности XCVI (116)**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82.09
ББК 83.3
X11

X11 **Х.М. Лопарев**
Древнерусские сказания о птицах: Памятники древней письменности XCVI
(116) / Х.М. Лопарев – М.: Книга по Требованию, 2021. – 54 с.

ISBN 978-5-518-06740-0

ISBN 978-5-518-06740-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.



Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Характерныя особенности разныхъ птицъ, подмѣченныя уже въ древнѣйшихъ памятникахъ человѣчества, подали поводъ къ иносказательному ихъ примѣненію къ людямъ съ ихъ разнообразнѣйшими характерами. Первоначальною литературною формою для выраженія аллегоріи была басня, изъ которой произошла комедія и сатира; что же касается до основаній для такого приуроченія, то тутъ видное мѣсто занимаетъ фізіологъ.

Птицы наравнѣ со звѣрями басни иносказательно представляютъ тотъ или другой образъ человѣка. Онѣ летаютъ, поютъ, проявляютъ тѣ или другіе присущіе имъ инстинкты, а вмѣстѣ съ тѣмъ говорятъ, то между собою, то со звѣрями, то съ человекомъ. Георгій Писиды въ своемъ „Шестодневѣ“ замѣчаетъ: „кто птацамъ языки изьостри, акы арганскія пѣсни, яко и мнитсѣ общимъ баснописцамъ быти въ нихъ разумной бесѣдѣ“¹⁾. Представителей подобнаго рода произведеній на греческой почвѣ былъ, какъ извѣстно, Эзопъ, у котораго находимъ слѣдующій рядъ птицъ: алкіонъ, воронъ, ворона, галка, голубъ, гусь, жаворонокъ, журавль, куропатка, ласточка, лебедь, орелъ, павлинъ, пѣтухъ, соколъ (ястребъ, *ἰέραξ*), соловей и пр. По басни его не оказали заимѣтнаго вліянія на нашу древнюю письменность (до XVII вѣка). Птичья аллегорія изъ басни перешла въ діалогизмъ въ польской литературѣ XVI вѣка (Мик. Рея діалогъ *Gęs z kurem*), а въ русской литературѣ—въ XVIII вѣкѣ (діалогъ лисицы съ куромъ)²⁾.

Басенная аллегорія, принявшая вскорѣ характеръ сатиры, появляется затѣмъ въ извѣстной комедіи Аристофана (**Ορνιδες*,

¹⁾ Пам. Др. Письм., 1882, XXXII. 28.

²⁾ Повѣсть вело пречюдныя о куре и о ясницѣ настоящаго сего нынѣшняго вѣка (рук. Археогр. Комм. 107—162 л. 53).

осмѣивающей сутяжничество Аеинянъ. Здѣсь поименованы птицы: аліионъ, водолазъ (гагара? *κολυμβίς*), галка, голубь, горлица, жаворонокъ, кранивникъ, куликъ (*ἐλεῖς*), кукушка, куропатка, морской орелъ (*φύκη*), павлинъ, пустельга, пѣтухъ, сова, удода и мн. др. Нѣкоторые изъ нихъ являются совѣтниками людей: ворона руководитъ Пасеетеромъ, галка Евелнидомъ и пр. Эти Аеиняне, избѣгая могущихъ быть процессовъ, отправились къ Тирею (удоду) съ просьбою сказать, какой городъ наиболѣе безопасенъ отъ сутяжничества. Слуга удода, кранивникъ, посоветовалъ имъ построить городъ въ воздухѣ, что тѣ и дѣлаютъ и переселяются сюда вмѣстѣ съ птицами. Однако и этотъ воздушный городъ не былъ оставленъ въ покоѣ: аеинскіе предсказатели и прорицатели и даже землемѣръ Метонъ стали являться сюда съ цѣлью поднять тяжёлое дѣло; наконецъ и сами боги явились съ жалобою къ птицамъ.

Говоря о птичьей литературѣ, невозможно пройти молчаніемъ востокъ, страну, въ которой быть можетъ больше, чѣмъ гдѣ либо, сказывалась потребность въ образахъ, картинахъ и аллегоріяхъ. Во главѣ стоитъ индійская Панчатантра (до VI в. по Р. Хр.) и особая ея версія *Karataka* и *Domanaka* съ разнообразными редакціями и переводами: пехлевійскимъ, арабскимъ (*Kalilah wa Dimnah*, VIII в.), персидскимъ (IX—X в., *Anwar-i Suhaili* XII в., *Ayari Danish* 1593 г.), греческимъ (*Στεφανίτης καὶ Ἰηνηλάτης* XI в.), санскритскими же *Kathā-Sarit-Sāgara* и *Hitopadesha* (XII в.), еврейскимъ (*Directorium humanae vitae* XIII в.), турецкимъ (Гумайюнъ-Наме XVI в.), славянскимъ (XIII и сл. в.), нѣмецкимъ (XIV в.), французскимъ (1556 г.), англійскимъ (1570), датскимъ (1618 г.), голландскимъ (1623 г.), и т. д. ¹⁾ Въ общихъ чертахъ, во всѣхъ этихъ памятникахъ выводится царь левъ (индійскій царь) со своими совѣтниками—звѣрями и птицами, которые преподають ему совѣты житейской мудрости, морали и политики въ видѣ басенъ. Птичья

¹⁾ Переводныя изданія этихъ памятниковъ указаны О. Вултаковымъ въ «Стефанитъ и Ихнилатъ» (изд. Общества, 1877, XVI); славянскіе списки и Редакціи раясмотрѣны А. Внкторовымъ въ «Стефанитъ и Ихнилатъ» (изд. Общества, 1880—81, LXIV и LXXVIII).

аллегорія на арабской почвѣ не замедлила принять философско-религіовный характеръ, являясь литературною формою для описанія богословскихъ споровъ въ области ислама. Въ X столѣтіи арабскій писатель Schahrazūgī въ своемъ „Спорѣ между человѣкомъ и звѣремъ“ выводитъ на сцену царя Bivagasp Мудраго, передъ которымъ и происходитъ этотъ споръ. Посолъ Биварасоа является къ птичьему царю Schahmurgh, который собираетъ черезъ своего визиря павлина всѣ роды пѣвчихъ птицъ съ суши и съ моря: удода (шпіона), голубя (путеводителя), рябчика (герольда), фазана (пѣвца), жаворонка (оратора), соловья (подражателя), ласточку (архитектора), ворона (предсказателя), журавля (стража) и т. д.; изъ нихъ депутатомъ къ царю Бивараспу посылается ночной соловей, какъ самый краснорѣчивый. Затѣмъ посолъ является къ другому птичьему царю, грифу, который собираетъ хищныхъ птицъ: коршуна, орла, ястреба, сокола, филина, попугая и др., и посылаетъ къ царю Бивараспу филина. Въ спорѣ принимаютъ участіе разныя партіи: иракезцы, индіане, евреи, сирійскіе христіане, корайшиты, греки, хорасанцы, персіане и т. д.; изъ него выясняется вопросъ о магометанской сектѣ X столѣтія „Чистыхъ Братьевъ“ или „Благородныхъ Друзей“, аналогія которой и дается въ сочиненіи ¹⁾). Птичья аллегорія въ XII — XIII вѣкѣ, подъ перомъ Azz-Eddin Elmocadessi, приняла морально-сентиментальное направленіе. Въ сочиненіи „Птицы и цвѣты“ этотъ писатель предложилъ между прочимъ разговоры птицъ: ворона, голубя, грифа, ласточки, павлина, попугая, пѣтуха, совы, сокола, соловья, удода, утки и пр., но всѣ они носятъ отпечатокъ мистическій или спиритуалистическій, составляющій особенность ученія софи о познаніи Бога ²⁾). То же должно сказать и о литературѣ турецкой, гдѣ птицы аллегорически представляютъ извѣстныя партіи въ богословской и политической борьбѣ между правовѣрными мусульман-

¹⁾ Der Streit zwischen Mensch und Thier, ein arabisches Märchen übers. von Fr. Dieterici. Berlin 1858. S. 60, 72 и пр.

²⁾ Les oiseaux et les fleurs, allégories morales d'Azz-Eddin Elmocadessi. publ. par M. Garcin. Paris 1821, p. 44 sq. Указаніемъ на оба сочиненія мы обязаны любезности барона В. Р. Розена, которому приносимъ глубокую благодарность и за самыя книги.

ствонъ и суфическимъ дервишизмомъ, борьбѣ, достигшею апогея въ половинѣ XVII столѣтія. Въ сочиненіи Бульбуль-наме ¹⁾, докладъ о которомъ читанъ проф. В. Д. Сининовымъ въ засѣданіи Имп. Русскаго Археологическаго Общества 29 февраля текущаго года, представленъ также разговоръ птицъ. Совѣтниками царя Соломона являются кромѣ людей и птицы. Однажды соловей (самка) скрылся въ уединенное мѣсто, куда потомъ прилетѣлъ и другъ ея (самецъ), сперва было отказавшійся отъ этой уединенной прогулки. Воронъ, негодуя на праздно - пріятное проведеніе ими времени, предъявилъ жалобу Соломону, заподозривъ нравственность ихъ поведенія. Лже-свидѣтелями его явились: коршунъ, куропатка, дикій голубь, воробей, попугай, страусъ, соколъ и др. птицы. Соловей былъ позванъ на судъ, и Соломонъ потребовалъ отъ ворона болѣе вѣковыхъ основанийъ для обвиненія соловья. Обвиняемый между тѣмъ доказывалъ лже-свидѣтельство, поочередно характеризуя каждую птицу съ очень худой стороны. Окончательному оправданію его способствовали лишь двѣ птицы — ласточка и горленка, давшія самыя лестныя показанія въ пользу соловья, такъ что когда онѣ стали на его сторону, Соломонъ, оправдавъ соловья, осудилъ ворона на яденіе падали. Въ другомъ того же рода турецкомъ сочиненіи *Бульбулійѣ* нѣкоего Бирри-эфенди (начала XVII вѣка), въ рукописномъ сборникѣ Ученнаго Отдѣленія М-ва Иностранныхъ Дѣлъ, № 412, также изображается судебное состязаніе птицъ въ присутствіи Соломона. Дѣло началось сходно съ предыдущимъ. Соловей (представитель суфизма), влюбленный въ розу, удалился и въ уединеніи сладко илѣлъ. Врагъ его воронъ, посовѣтовавшись съ попугаемъ (самымъ ученымъ) и еколомъ (птичьимъ губернаторомъ), привлекъ соловья къ отвѣтственности передъ Соломономъ. Когда обвиняемый явился на судъ, птицы набросились на него, но были призваны къ порядку; тѣмъ не менѣе онѣ выставили его гордецомъ, пьяницею, разгульнымъ кутилой. Но отъ нихъ потребовали болѣе основательныхъ мотивовъ для обвиненія. Въ виду сбивчивости показаній обвинителей рѣшено было

¹⁾ *Бульбуль - наме* въ турецкомъ подлинникѣ напечатано въ Казани въ 18.. году.

пригласить на судъ куфа (сову), который оказался также представителемъ суфизма и который наналъ на попугая, поддерживаемаго другими птицами. При этомъ обнаружился качества птицъ: соколъ представленъ какъ кровопийца, лстребъ — хищный мясоедъ, орелъ злодѣй, пожирающій падаль, аистъ безвредный дуракъ, куропатка завистникъ, воробей лукавый, плутъ, который воруетъ овесъ, но зато попадаетъ и въ сѣть, и т. д. Соловей въ концѣ концовъ произнесъ пламенную рѣчь (въ защиту дервишизма), рѣшительно подѣйствовавшую на Соломона, и былъ освобожденъ отъ наказанія. Главные истцы: воронъ, ворона, коршунъ и сорока, опасаясь долгаго возмездія, бѣжали, а остальныхъ птицъ чауши разогнали по домамъ.

Съ востока, со временъ крестовыхъ походовъ, птичья литература проникла во Францію, гдѣ нашла себѣ выраженіе въ памятникахъ XII и слѣдующихъ вѣковъ. Въ фавль о Флорансѣ и Эглантинѣ (иначе *Le jugement d'Amour*) птицы-бароны засѣдаютъ въ совѣтѣ бога любви (Амура) и присутствуютъ при спорѣ Флорансы, идеалъ которой красавецъ рыцарь, и Эглантины, предпочитающей молодаго клерика. За рыцарей заступаетъ попугай, за клериковъ ястребъ, соколъ, жаворонокъ и особенно соловей; въ результатѣ состязанія наиболѣе достойнымъ обожателемъ объявленъ клерикъ ¹⁾. Въ XIII вѣкѣ въ птичьихъ разговорахъ также обнаруживается элементъ любви: достаточно по этому поводу отмѣтить *Le bestiaire d'amour* и *Li consaus d'amors* Ришара де Фурииваля ²⁾.

Въ нѣмецкой (латинской) литературѣ XVI столѣтія птичья аллегорія усвоена была виттенбергскимъ поэтомъ Іоганномъ Маіор (Meier, † 1600). Въ поэмѣ *Hortus Libani* послѣдній вывелъ современныхъ ему богослововъ подъ видомъ птицъ. Въ другомъ своемъ стихѣ *Synodus avium* (1557 г.), посвященномъ вопросу о

¹⁾ *Fabliaux ou contes, fables et romans du XII et XIII siècle. extr. par Legrand d'Aussy. Paris 1829, I. 306—314; ср. «Исторія французской литературы, по Demogeot и др.» Спб. 1887. I. 144.*

²⁾ Первый изданъ С. Hippau (Paris 1860); ср. р. XLI. О птицахъ на «Звонящемъ островѣ» (*isle sonnante*) въ сатирическомъ смыслѣ см. *Fr. Rabelais, Oeuvres. Paris 1841 p. 462 sq.*

состязаніи филиппистовъ (партіи Меланхтона) и флакіановъ (партіи Франковиція), онъ вывелъ современниковъ въ слѣдующемъ рядѣ птицъ: воронъ, галка, голубъ (еп. Вергерій), черный дровдъ (Ник. Амсдорфъ), жаворонокъ (лог. Матезій), *fringilla* (Іоах. Камерарій), крапивникъ (Дав. Хитрей), кукушка (Фл. Франковицій), *cuculus* (Іустъ Меній или Виттенбергская Академія), лебедь (Март. Лютеръ), лысуха, негорз (Іоах. Морлинъ), пѣтухъ (Ник. Галль), соловей (Фил. Меланхтонъ), сорока (Викт. Штригель или лог. Златоковачъ), сычъ, фениксъ (Георгъ Фабрицій), филинъ, щеглепокъ, ястребъ, и т. д. Какъ извѣстно, по смерти Лютера (*cuculus*, 1546) главнаго вожака реформациі не стало. Между самими протестантами начинался расколъ. Въ 1557 г. къ Меланхтону приходило два посольства съ цѣлью объединенія всѣхъ партій, но согласія не послѣдовало. Однѣ птицы желали имѣть во главѣ религіознаго движенія *cuculus* (Флакія), другія *gallum* (Галла), третьи *meulam* (Амсдорфа), но лучшія, по мнѣнію Маіора, стояли за *philomela* (Меланхтона) ¹⁾. Сочиненія Іоганна Маіора внесены въ *index librorum prohibitorum*.

Въ чешской литературѣ XIV столѣтія птичья аллегорія, подъ перомъ Яна Смилы Фляшки изъ Нардубицъ, приурочена была ко двору Вацлава IV. Въ своемъ Новомъ Совѣтѣ (*Nová Rada*, 1394—1395 = *Theribulia*, Краковъ 1521 и пр.) Смилъ представляетъ царя льва и совѣтъ его, состоящій изъ князей и пановъ. „Совѣты звѣрей состоятъ главнымъ образомъ въ общей благочестивой морали“, но на ту же тему бесѣдуютъ и птицы: воробей, голубъ, горлица, гусь, лебедь, лунь, ногъ, орелъ, павлинъ, попугай, соколъ, соловей, тетеревъ, и пр.: напр. орелъ „проповѣдуетъ о страхахъ Божіихъ въ примѣраніи изъ св. писанія, а лебедь заканчиваетъ совѣтъ

¹⁾ *H. G. Struvius. Acta litteraria ex mss eruta. Ienae 1706, IV. 17 — 34* съ примѣчаніями Веллера. Слѣдуетъ отличать нашего Маіора отъ Георга Маіора († 1574), также боровшагося съ Амсдорфомъ. Въ исторіи реформациі этотъ вопросъ почти обходится молчаніемъ; вотъ однако специальное сочиненіе: *Acta Philippica sive theologorum saxonico-rum et legatorum megaropoleusium frustra tentata pacificatio inter Ph. Melancthonem et Matthiam Flacium Illyricum...a Joh. Bacmeistero. Tübingae 1719.*

проповѣдью о страшномъ судѣ; но общая мораль принимается иногда ближайшимъ образомъ къ чешскому быту; авторъ въ своей аллегоріи даетъ королю смѣлые и благоразумные совѣты, которые выгодно свидѣлствуютъ объ общественномъ характерѣ писателя-пава¹⁾).

Кромѣ басни, комедіи и сатиры, птицы наравнѣ со звѣрами появляются еще въ греческомъ памятникѣ „Физиологъ“, родиной котораго была Александрія, а время составленія II—III вѣкъ по Р. Хр. Сюда вошли слѣдующія птицы: аистъ, воронъ, нощій вранъ, выпь, голубь, горлица, дятель, ибисъ, коршунъ, ласточка, орелъ, павлинъ, пеливанъ, рябъ (куропатка), страусъ, фениксъ, харадръ, цапля и др.²⁾ Здѣсь характеръ сказаній о птицахъ естественно-историческій. Благодаря своей толковательной части, физиологъ въ греко-римской средневѣковой литературѣ получилъ громадное распространеніе и оказалъ весьма замѣтное вліяніе на другіе византійскіе памятники, напр. на Толковую Палею, на еочиненія извѣстнѣйшихъ отцовъ церкви (Василія Великаго, Григорія Богослова), но былъ весьма мало распространенъ въ древне-русской литературѣ (до XVI вѣка),—наибольшему популярности пользовалась у насъ толковая Палея, какъ памятникъ церковной (хотя и отреченной) письменности. Въ Палею вошли слѣдующія птицы: алконость, воронъ, голубь, горлица, гусь, дятель, зегула (гогуля), ласточка, неясыть, орелъ, пятаель, рябъ, стерхъ, фениксъ, щуръ и пр.³⁾ Въ свою очередь Палея вмѣстѣ съ святоотеческими свидѣтельствами послужила источникомъ для древне-русскихъ азбуконниковъ, по которымъ предки наши знакомились съ особенностями нѣкоторыхъ птицъ „отъ писанія“. Въ азбуконники вошелъ слѣдующій рядъ птицъ: алконость, ласточка, стергъ (неясыть), струеокамилъ, фениксъ, харадръ⁴⁾.

¹⁾ *Řasňatky staré literatury české*, ed. I. (ebauer. Praha 1876, 1; ср. *А. Пылинъ* въ *В. Спасскомъ*. Исторія славянскихъ литературъ. Спб. 1881, II, 826.

²⁾ *А. Карпсесъ*. Матеріалы и замѣтки по литер. исторіи физиолога. Спб. 1890; его же *Der Physiologus* въ *Byzant. Zeitschrift*, hrsg. von K. Krumbacher, 1894, S. 26 ff.; *Fr. Lauchert*. Geschichte des Physiologus. Strassburg 1889. S. 236 ff.

³⁾ Кн. П. П. *Вяземскій*. Собраніе сочиненій. Спб. 1893 стр. 32 и сл.

⁴⁾ *А. Карпсесъ*. Азбуконники. Алфавиты иностранныхъ рѣчей. Каванъ 1877 стр. 277—282.

Физиологъ на французской почвѣ существовалъ уже въ XII столѣтіи: отъ 1125 г. мы имѣемъ Бестиарій Филиппа de Thaun. въ которомъ идутъ разсужденія о животныхъ, птицахъ и драгоценныхъ камняхъ¹⁾. Въ польской литературѣ онъ извѣстенъ лишь съ 1534 года: въ этотъ году появилось сочиненіе Ст. Фалимира *O ziołach y o moczy gich; o paleniuw odek z zioł; o olejkach przyprawianiu; o rzecach zamorskich; o zwierzetach, o ptaszczach y o ti-bach, o kamieniu drogim*²⁾. Образы и картины физиологическаго характера примѣнительно къ разнымъ классамъ и состояніямъ общества существовали на западѣ также съ давняго времени. Такъ въ отношеніи къ церкви примѣнялась голубица (Пѣснь Пѣсн. VI. 8), къ предстоятелямъ церкви—Ноевъ голубъ (Быт. VIII. 11) и бдительность пѣтуха (Іовъ XXXIX. 1), къ слушателямъ юность орла (Псал. CII. 5) и пріятность соловья, къ подданнымъ нея воробья (Левит. V. 8), къ матери ласточка, къ супругамъ алкіонъ (alcedo) и голубъ, къ родителямъ орелъ (Второз. XXXII. 11), къ худымъ родителямъ ансть, къ учителямъ курица, къ дурнымъ учителямъ гусь, къ лѣнивому ученику попугай, къ господамъ орелъ, къ рабамъ журавль, ко вдовамъ ястребъ, голубъ и сорока, къ старикамъ пѣніе лебедя, къ тираннамъ и безбожнымъ начальникамъ коршунъ, орелъ и грифъ, къ бунтовщикамъ ансть, къ совѣтникамъ ястребъ, къ полководцамъ пѣтухъ и т. д.³⁾ Въ польской литературѣ представителемъ подобнаго рода памятниковъ былъ писатель XVI вѣка М. Рей, у котораго физиологическая окраска выразилась

¹⁾ *M. Fr. Mann. Der Physiologus des Philipp von Thaun. Halle 1884.*

²⁾ Полное аглавіе у *Th. Wierzbowski. Polonica XV ac XVI ss. Varsovia 1889, I. 19.*

³⁾ *I. Herrenschmidt. Multipliei rheticus sub imagine Ianus sive strenographia rhetica. Norimbergae 1625 p. 5 sq.* Птичья литература въ греческой и римской пословицъ собрана *C. S. Köhler. Das Thierleben im Sprichwort der Griechen und Römer. Leipzig 1881.* См. также *O. Keller. Thiere des class. Alterthums. Innsbruck 1887.* Объ аллегорическомъ значеніи птицъ: *I. V. Carnus Geschichte der Zoologie. München 1872, S. 130 ff.;* Лаухерт о. с.; *Le bestiaire. das Thierbuch des normannischen Dichters Guillaume Le Clerc, hrsg. von R. Reinsch. Leipzig 1890, S. 192 ff.* Указаніемъ на эти сочиненія мы обязаны И. М. Болдакову, которому приносимъ глубокую благодарность.

въ стихотвореніяхъ на тему, какъ люди представляли себѣ извѣстные понятія и картины изъ прошлаго времени, jako starych wieków przypadki świeckie ludzie sobie malowali. Такъ ластеца изображали въ образѣ ворона, схватившаго хомяка; мученье безъ вины представлялось въ видѣ ворона, преслѣдующаго голубя и попавшаго въ руки холопа; недоувѣріе къ злему—въ видѣ голубей, избѣгающихъ коршуна и ястреба: страхъ передъ смертію въ образѣ поющаго лебедя, безпечность въ жизни въ видѣ журавля, лакомку въ видѣ аиста или бусела (bocian), лгуна и дурака въ образѣ сойки; къ тѣмъ, кто закладывалъ свою свободу, примѣнялась сцена съ соколомъ; надменный дуракъ изображался въ видѣ павлина, непостоянство въ видѣ ласточки, терпѣливость въ образѣ голубя, осторожность въ видѣ орла, трудъ въ видѣ скворца, летающаго по полю, и т. д. ¹⁾). Этого рода литература, какъ кажется, нашла себѣ выраженіе и на русскяхъ старыхъ изразцовыхъ печахъ, испещренныхъ подобными картинками съ текстомъ.

Итакъ съ одной стороны птицы басни перешли въ комедію и сатиру, а съ другой онѣ изъ библіи, фізіолога и изъ сочиненій отцовъ церкви перешли въ толковую палею и азбукovníки и появились на западѣ и въ Польшѣ въ литературѣ общественно-бытовыхъ картинокъ. Нѣчто подобное мы можемъ теперь сказать и въ отношеніи литературы старо-русской, въ которой замѣчается тоже направленіе.

1. Аналогію къ чешской Rada мы имѣемъ въ „Совѣтѣ птичьемъ“, дошедшемъ въ двухъ извѣстныхъ намъ рукописяхъ прошлаго столѣтія—въ сборникѣ Имп. Публ. Библ. (О. XVII. 17), указаніемъ и коніей съ котораго мы обязаны Л. И. Майкову (для краткости П¹), и въ сборникѣ, принадлежащемъ крестьянину с. Самарова (Тобольской губерніи) Федору Кузнецову, списокъ съ котораго мы вывели въ поѣздку прошлаго года (для краткости С). Вторая рукопись датирована 1758-мъ годомъ: „1758 году октя-

¹⁾ Mik. Rej. Zwierzinniec w ktorym rozmaitech stanow ludzi, żwirzath y ptakow kształty, przypadki y obyczaje sa wlaanie wypieane... 1562 года, wyd. W. Bruchnalski, Kraków 1895 p. 214 s.

бря 3 дня сия книга Самаровского яку язычника Івана Шала- нова, писалъ своеручно“. Шаламовъ, погонки котораго жавутъ въ Самаровѣ и въ настоящее время, былъ человекъ богатый и имѣлъ значительныя торговыя связи съ равными мѣстностями. Въ этихъ рукописяхъ содержаніе „Совѣта“ не отличается ни полнымъ тождественностью, ни сохраненіемъ одного и того же порядка въ перечнѣ птицъ: въ П¹ 39 птицъ, въ С—35; для лебеда, филина, луна, дрозда и ветвина въ П¹, нѣтъ соотвѣтствія въ С; съ другой стороны, для курицы и курошкы въ С, нѣтъ соотвѣтствія въ П¹. И если мы доложимъ въ основу П¹ и соотвѣтственно съ нимъ расположимъ содержаніе С, то получимъ пять недочетовъ въ С и два въ П¹. Недочеты эти, конечно, случайнаго свойства ¹⁾ и объясняются тѣмъ, что сказаніе это, прежде чѣмъ оно было записано, долго жило въ устахъ народа, подвергаясь и дополненіямъ и случайнымъ сокращеніямъ въ виду самаго свойства изложенія, въ которомъ не замѣчается связи между разсужденіями отдѣльныхъ птицъ: различныя преданія естественно могли дать и иной рядъ сказаній, причѣмъ утрата тѣхъ или другихъ звеньевъ изъ ихъ состава становилась легко возможною.

Критеріемъ для востановленія текста нѣкоторыхъ частей „Совѣта“ является, помимо сличенія двухъ списковъ, та характерная особенность, что птицы въ этомъ сказаніи начинаютъ свои разсужденія со словъ, отчасти сходныхъ въ звуковомъ отношеніи съ ихъ именами или, по крайней мѣрѣ, начинающихся съ той же буквы, какъ данная птица. Напр., *орелъ* первымъ словомъ произносить: *о горе*, птица *нагой* — *наги*, *кременъ* — *крепко* и т. д. Однако, въ нѣкоторыхъ сентенціяхъ этого приблизительнаго сходства не замѣчается, почему мы имѣемъ право видѣть тутъ испорченность текста. Напр., *соколъ* по одному списку говоритъ *согрезилъ*, по другому — *крепко согрешитъ*: очевидно, первый правильнѣе втораго; *журавль* говоритъ: *рады мы* (П¹) и *жадны мы* (С), — правильнѣе второй текстъ; равнымъ образомъ, *рыбъ* говоритъ: че-

¹⁾ По всей вѣроятности, сентенція курицы въ П¹ соединена съ сентенціею желны по недосмотру писца.